

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ В. Р. Розеномъ.

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1911 — 1912.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДЕСЯТИ ТАБЛИЦЪ И СЪ ТРИНАДЦАТЬЮ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лп., № 12.

1913.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

368. *The Diwān of Hassān b. Thābit*, edited by Hartwig Hirschfeld, Ph. D. (E. J. W. Gibb Memorial. XIII). Leyden, 1910. 8°. XII+124+9r.

Устарѣвшій взглядъ на арабскую поэзію, какъ на ancilla historiae et philologiae, имѣеть нѣкоторыя основанія и до настоящаго времени, когда рѣчь заходитъ о тѣхъ многочисленныхъ quasi-поэтахъ, которыхъ даже арабскіе критики съ болѣе развитымъ эстетическимъ чувствомъ не считали пужнымъ включать въ исторію поэзій¹⁾. Къ числу такихъ поэтовъ принадлежить и очень популярный въ мусульманскомъ мірѣ панегиристъ Мухаммеда Хассан-ибн-Сабитъ, диванъ котораго въ европейскомъ изданіи появился, однако, только годъ тому назадъ въ извѣстной серіи Gibb'a. Его сомнительнымъ поэтическимъ достоинствомъ объясняется, вѣроятно, и то, что изданіе исполнено специалистомъ не по поэзій, а по исторіи Мухаммеда и Корана²⁾.

Если до настоящаго времени Хассанъ является самымъ популярнымъ среди всѣхъ современниковъ-панегиристовъ Мухаммеда, это далеко не значитъ, что онъ былъ единственнымъ: однихъ болѣе извѣстныхъ и почти официально утвержденныхъ самимъ Мухаммедомъ насчитывается три: Хассанъ, Кя'б-ибн-Маликъ и 'Абдаллах-ибн-Реваха. Признание ихъ со стороны про-

1) См., напр. слова Ибн-Кутейбы въ *Liber poesis et poetarum* ed. M. J. de Goeje, Lugd., 1907, стр. 3, 5.

2) Въ этой области Hirschfeld создалъ себѣ извѣстность, главнымъ образомъ, тремя работами: *Jüdische Elemente im Koran*, Berlin, 1878; *Beiträge zur Erklärung des Koran*, Leipzig, 1886 и *New researches into the composition and exegesis of the Qoran*, London, 1902. Выводы послѣдней работы, плодъ долготѣлныхъ занятій, хотя и не приняты полностью современной наукой, но очень интересны оригинальной постановкой вопроса. Изданіе вышедшаго теперь дивана было обѣщано Hirschfeld'омъ около двадцати лѣтъ тому назадъ. (См. его *Prolegomena to an Edition of the Diwān of Hassān b. Thābit* въ *Transactions of the IX Congress of Orientalists*, II, London, 1893, 96—103).

рока было своего рода компромиссом: отношеніе его къ поэтамъ вообще достаточно извѣстно и нашло свое выраженіе даже въ Коранѣ¹⁾, по другого выхода, кромѣ привлеченія въ среду своихъ ближайшихъ сподвижниковъ и этихъ «заблудшихся», ему не оставалось. Въ противномъ случаѣ, не обладая съ арабской точки зрѣнія ни малѣйшимъ поэтическимъ талантомъ²⁾, онъ оказался бы совсѣмъ беззащитнымъ противъ словеснаго, вѣкамъ освещеннаго оружія арабской древности. И здѣсь онъ поступилъ какъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ: принципиально заявляя себя противникомъ этого «пзмышленія времени невѣжества», Мухаммедъ принялъ его въ систему своихъ дѣйствій цѣлкомъ и, что особенно характерно, въ тѣхъ же самыхъ языческихъ формахъ. Не даромъ арабскіе источники отгнѣняютъ неоднократно, что изъ всѣхъ трехъ приближенныхъ поэтовъ Мухаммеда только одинъ 'Абдаллахъ-ибн-Реваха направлялъ свои нападки на невѣріе противниковъ, оба же другихъ — и Хассанъ и Кя'бъ — пользовались лишь общепзвѣстными мотивамъ до-исламской поэзіи: племенными и личными достоинствами и недостатками съ очень опредѣленной точки зрѣнія старо-арабской *virtus*³⁾. И при всемъ томъ, санкція со стороны Мухаммеда здѣсь несомнѣнна уже потому, что всѣ произведенія были связаны такъ или иначе съ его именемъ. Быть можетъ, эта санкція послала не только характеръ молчаливаго призванія, а даже выразилась въ оффиціальному «посвященію»: нѣкоторое основаніе могутъ имѣть и тѣ *хадісы*, которые передаются по этому поводу иногда съ соответствующими разсказами⁴⁾. Детали, конечно, и здѣсь требуютъ особаго анализа: обычной склонностью къ систематизаціи объясняется вѣроятно цифра трехъ панегиристовъ, привлеченная, быть можетъ, для параллели съ тремя поэтами противной партіи⁵⁾. Нѣкоторое сомнѣніе вызываетъ и разсказъ, связывающій первое выступленіе Хассана съ депутаціей племени Темимъ и оговѣтомъ его поэту темимитовъ Зябриқану⁶⁾.

1) Особенно характеренъ его отзывъ п. сурѣ XXVI, ст. 221—226: «Не сообщите-ли вамъ о тѣхъ, на кого нисходятъ діаволы? Нисходятъ они на всякихъ лжецовъ и грѣшниковъ... Къ нимъ принадлежатъ и поэты, за которыми слѣдуютъ заблудшіеся. Развѣ ты не видишь, какъ они бродятъ по всякимъ долинамъ, какъ они говорятъ то, чего не дѣлаютъ?»

2) Можетъ быть, наиболѣе характернымъ является въ этомъ отношеніи свидѣтельство, что онъ не могъ даже вѣрно процитовать чужой стихъ — Аг., XII, 67 — или не могъ вспомнить стиха, даже глубоко его оскорбившаго — Тебризіи, Комментарій на Банаг Су'ад (изд. Krenkow) ZDMG — LXXV, 1911, 250, 12-13.

3) См. напр. Аг. IV, стр. 4; XV, 29.

4) Аг. IV, 6 или Ибн-Рашидъ, ал-'Умда (каирское изд.) т. I, 12.

5) Аг. IV, 4, 7.

6) Въ послѣднее время разсказъ подвергнуть ближайшему анализу у Caetani, *Annali dell' Islām*, Milano, 1907, II, 449 сл. Въ диванѣ съ этимъ выступленіемъ связываются №№ XXII—XXIV.

Какъ бы ни былъ рѣшенъ вопросъ относительно всѣхъ этихъ частныхъ, несомнѣнно, что популярность Хассана создана объектомъ его произведеній — исламомъ, а отнюдь не его поэтическимъ талантомъ. Даже въ томъ, казалось бы, благопріятномъ отзывѣ, который даетъ о немъ филологъ Абӯ-Убейда, называя Хассана *اشعر اهل المر* — самымъ поэтичнымъ изъ жителей городовъ¹⁾, нельзя не замѣтить извѣстнаго отгѣнка: вѣдь критеріемъ для всей этой эпохи считались произведенія не городской, а именно бедуинской поэзіи въ ея чистомъ видѣ. Относя категорично произведенія Хассана не къ ней, Абӯ-Убейда тѣмъ самымъ ставилъ ихъ на низшую ступень. Большій эстетическій вкусъ показалъ ал-Асма'и, отгѣнивъ въ поэзіи Хассана два періода и заявивъ, не смотря на опасность навлечь упрекъ со стороны мусульманской традиціи, что послѣ ислама у Хассана *سقط شعره* — поэтический талантъ пришелъ въ упадокъ²⁾. Европейская критика въ этомъ отношеніи не могла разойтись съ арабской литературной традиціей: послѣ формулировки прежнихъ взглядовъ Brockelman'омъ³⁾ еще разъ могъ высказать ту же оцѣнку на основаніи новаго изслѣдованія и историкъ ранняго ислама Caetani⁴⁾. Популярность Хассана въ мусульманскомъ мірѣ шла, конечно, независимо отъ литературныхъ теорій, хотя и въ ней можно замѣчать нѣкоторыя колебанія: вскорѣ послѣ смерти Мухаммеда его вѣрные анса'ры жаловались, что произведенія ихъ пѣвца уже не встрѣчаютъ того вниманія, которое имъ удѣлялось при жизни пророка⁵⁾. Въ раннихъ источникахъ цитаты изъ его произведеній совершенно отсутствуютъ: нѣтъ ихъ, напримѣръ, въ *Хамасѣ* Абӯ-Теммама⁶⁾. Чѣмъ большій періодъ проходилъ, однако, со времени возникновенія ислама, тѣмъ большимъ почитаніемъ окружали эти произведенія и теперь нѣкоторыя изъ нихъ вызываютъ чуть не религиозно-суевѣрное поклоненіе⁷⁾.

Если бы у нихъ было иное содержаніе, за свою форму такой популярности они никогда бы не заслужили. Древне-арабская поэзія вообще вращается въ довольно ограниченной сферѣ, но она производитъ прямо

1) Аг. IV, 3.

2) Ibn-Qotaiba Liber poesis et poctarum (de Goeje) — 170, 9—12.

3) Geschichte der arabischen Literatur, I, Weimar 1898, стр. 38.

4) «Ben noto quanta fosse la fiacchezza e la poverta d'ispirazione di Hassāu», — Annali dell' Islām, Milano, 1907, II, 450.

5) Иногда Хассана просто не слушали, см. Аг. IV, 7.

6) Если нѣсколько отрывковъ появляется въ *Хамасѣ* его соперника Бухтуріи, то это объясняется не болѣе высокой оцѣнкой со стороны послѣдняго, а тѣмъ особымъ характеромъ антологіи, на который и имѣлъ уже случай обратить вниманіе.

7) Пьеса на взятіе Мекки, напр., (Hirschfeld № I) считается среди современныхъ мусульманъ такимъ же чудодѣйственнымъ талисманомъ, какъ и знаменитая «Бурда» шейха ал-Буѣѣри.

таки удручающее впечатлѣніе, когда ея шаблонными и однообразными формами начинают орудовать лицо безъ особаго таланта. Весь диванъ Хассана (за исключеніемъ немногихъ пьесъ перваго періода, о которыхъ будетъ рѣчь ниже) состоитъ, конечно, изъ различныхъ Gelegenheitsgedichte, сочинявшихся по случаю тѣхъ или иныхъ, крупныхъ или мелкихъ событій исторіи Мухаммеда и ранняго ислама¹⁾; всѣ они, какъ и слѣдуетъ ожидать, распадаются на три группы одъ, сатиръ и элегій, въ каждую изъ которыхъ Хассанъ внесъ еще больше шаблонности, чѣмъ это полагалось по литературнымъ требованіямъ данной эпохи. Слабость его поэтическаго творчества сказывается иногда даже въ элегіяхъ, — единственной формѣ древне-арабской поэзіи, которая была избавлена отъ необходимости обязательнаго несѣба²⁾, и онъ прибѣгаетъ къ шаблонному началу³⁾; гений ему окончательно измѣнялъ, когда нужно было найти переходъ отъ несѣба къ основной частп; здѣсь онъ чуть не систематически пользуется терпимой, но все же не одобряемой формулой *إدع*⁴⁾. Иногда это стремленіе къ шаблонности приводитъ къ довольно комическимъ результатамъ: когда Хассанъ согласно обычнымъ требованіямъ начинаетъ превозносить свой поэтическій талантъ и популярность, это еще дѣлается, быть можетъ, и искренно⁵⁾, но когда онъ превозноситъ собственную храбрость, то не удивительно, что даже Мухаммедъ не сдерживалъ своей улыбки⁶⁾. Иначе и быть не могло: Хассанъ извѣстенъ своей классической трусостью, которая достаточно засвидѣтельствована источниками⁷⁾; она мѣшала ему принять участіе хоть въ одномъ сраженіи и удерживала даже отъ такихъ поступковъ, въ которыхъ болѣе отважными оказывались иногда женщины⁸⁾.

Сатиры и эпиграммы Хассана стоятъ на еще болѣе низкой ступени: сравнительно лучше большія по объему, которыя писались въ отвѣтъ на произведенія поэтовъ противнаго лагеря. Много хлопотъ здѣсь причинялъ, повидимому, Абдаллахъ-ибн-аз-Зибаръ, одаренный несомнѣннымъ поэтическимъ

1) Иногда даже комически-мелкихъ: пьеса 144, напр., сочинена въ защиту воина, которому помѣшалъ принять участіе въ походѣ норовъ его лошади!

2) N. Rhodokanakis, *Al-Hansa' und ihre Trauerlieder*, Wien 1904, 72.

3) См. напр., элегію на смерть Хамзы — № 164.

4) См. напр., 24,18; 131,3; 175,4; 216,5 и др.

5) «Мои вѣчныя рионы пошли уже въ путь; ихъ декламируютъ по всѣмъ долинамъ» (126,8). «Покушались на меня поэты, но всѣ обратились вспять . . .» (128,7). «Ожерелье моихъ стиховъ останется у васъ на шеѣ, какъ татуировка, не старѣющая отъ времени» (188,5). См. еще особенно № 147.

6) Аг. IV, 16.

7) Ибн-Кутейба (De-Goeje) 170,4; Аг. IV, 15.

8) Аг. IV, 15 — эпизодъ съ убійствомъ одного еврея. Особенно комично звучитъ, когда онъ объясняетъ свой обычай своеобразно красить бороду желаніемъ походить на льва, замазаннаго кровью — *لا تكون كأي أسد والغ في الدم* — Аг. IV, 3.

талантомъ. Произведеніе его на поражение при Оходѣ вызвало со стороны Хассана *نقضة* — отвѣтъ въ томъ же размѣрѣ и съ той же римой¹⁾; кажется вліяніе стихотворенія Ибн-аз-Зиба'ра этимъ не парализовалось, такъ какъ отголоски его есть и въ другихъ произведеніяхъ Хассана²⁾, а въ дальнѣйшей исторіи оно очень долго еще вспоминалось³⁾. Тамъ, гдѣ поэтъ Мухаммеда не былъ связанъ образцами, за которыми приходилось слѣдовать, его сатиры переходили въ самыя грубѣйшія ругательства, напоминающія скорѣе стиль бедуина, чѣмъ «самага поэтичнаго горожаняна» и звучащія очень странно въ качествѣ защиты ислама и его пророка⁴⁾. Разбирать всѣ эти произведенія представляется довольно бесполезнымъ: для поэзіи они даютъ очень мало, представляя лишь спеціальнѣйшій интересъ для историка⁵⁾. Только одна сторона бросается здѣсь въ глаза историкъ поэзіи и требуетъ своего разъясненія: это отмѣченная шаблонность и выработанность основныхъ формъ. Кромѣ скудости таланта, она конечно объясняется еще и тѣмъ, что уже въ эту эпоху поэзія съ виѣшней стороны достигла большой разработанности и стояла на довольно высокой ступени развитія. Объясненіе того, какими путями шло это развитіе и какія вліянія оно испытывало, достаточно опредѣленно дается фактомъ, отмѣченнымъ ал-Асма'и и совершенно не отмѣченнымъ издателемъ, о двухъ періодахъ въ творествѣ Хассана. Поэтъ отличался долговѣчностью, исламъ онъ принялъ уже не въ молодыхъ годахъ, хотя вѣроятно только стремленіемъ къ круглымъ цифрамъ объясняется обычный въ источникахъ возрастъ въ 120 лѣтъ: 60 — въ язычествѣ и 60 въ исламѣ⁶⁾. Во всякомъ случаѣ онъ не только пережилъ халифа 'Османа, какъ можно видѣть по нѣсколькимъ посвященнымъ ему элегіямъ⁷⁾, но былъ современникомъ и битвы при Сыффинѣ⁸⁾. До припятія ислама Хассанъ велъ обычную жизнь кочующаго поэта и скудные данныя его біографіи за этотъ періодъ все же совершенно

1) № XI.

2) См., напр., № 195, 4.

3) Его процитовалъ и «невѣрный» халифъ Йезид-ибн-Му'авинъ послѣ современныхъ ему мекканскихъ событій — *Abū-Naḥifa ad-Dīnawerī*, publ. par W. Guirgass, Leide, 1888, стр. 277, 5-6.

4) Какъ на *chef-d'oeuvre* этого рода можно указать № 65, 1; 70, 2; 150, 1-2; 187, а.

5) Даже лингвистъ извлечь изъ нихъ, повидимому, немного: языкъ Хассана (что впрочемъ нужно поставить ему въ заслугу) очень простъ, а однообразіе содержанія дѣлаетъ довольно однообразнымъ и матеріалъ.

6) *Ar. IV*, 3. Объ исторической достовѣрности этой цифры ср. критическія замѣчанія Nöldeke, *Die Ghassanischen Fürsten aus dem Hause Gafna's*, Berlin, 1897, 41.

7) №№ 20, 30—33, 162, 163.

8) *Ar. IV*, 10—11. Подозрительнѣе свидѣтельство позднихъ авторовъ, что Хассанъ бывалъ при дворѣ Му'авинъ, см. напр. *نکت الهميان في نکت العميان*, Каиръ, 1911, стр. 134, а.

опредѣленно даютъ указаніе на тѣ два пункта, роль которыхъ въ развитіи не только арабской культуры вообще, но и арабской поэзіи выясняется все больше и больше. Этими пунктами были пограничные княжескіе дворы гассанидовъ и лахмидовъ. Именно здѣсь Хассанъ встрѣчался съ лицами, роль которыхъ въ этомъ періодѣ извѣстнѣе: съ Набигой аз-Зубйані, съ 'Альфамой¹⁾ и ожидающимъ еще своей полной характеристики ал-А'шад²⁾, фигурой можетъ быть наиболѣе интересной. Здѣсь были очаги культурнаго развитія до-исламской Аравіи, здѣсь повидному и поэзія вырабатывала свои формы, которыя потомъ демонстрировала уже въ готовомъ видѣ на съѣздѣ въ 'Окаѣ³⁾. Къ этому времени и относятся у Хассана произведенія перваго періода — эпохи расцвѣта его поэтическаго таланта, отмѣченныя здѣсь несомнѣннымъ дарованіемъ. Ихъ сравнительно немного: изъ 229 пьесъ дивана, къ этому періоду едва ли можно отнести больше двадцати. Иногда рѣшеніе вопроса, къ какому времени относить отдѣльныя стихотворенія, затрудняется, и здѣсь приходится судить или по отсутствію намековъ на событія послѣ хиджры, или по общему характеру, что вполне возможно, принимая во вниманіе рѣзкую разницу между обоими періодами. Пьесъ съ непосредственнымъ указаніемъ на факты перваго періода сравнительно мало: гассанидамъ посвященъ № 13, который авторъ «Китаб-ал-агāйи» совершенно справедливо не въ примѣръ прочимъ произведеніямъ называетъ «великолѣпной одой»⁴⁾; часть ея, посвященная внуу (ст. 16—21), пользовалась большой популярностью и въ значительно болѣе поздній періодъ⁵⁾. Второе произведеніе представляетъ элегію на смерть джафидскаго князя Хārиса⁶⁾, помѣщенную въ диванѣ повидному въ двухъ редакціяхъ⁷⁾. Главному покровителю Хассана Джебель-ибн-Айхаму посвященъ № 125, бывший вѣроятно не единственнымъ⁸⁾, такъ какъ отъ него

1) Аг. XIV, 2—3.

2) Аг. IV, 16.

3) На одномъ изъ такихъ съѣздовъ пріятель Хассана Нāбига, признавъ его настоящимъ поэтомъ, все же жестоко раскритиковалъ одинъ стихъ, см. Аг. IV, 16 и VIII, 195; ср. Ibn Ja'is Commentar... hrsg. von G. Jahn, Lpz. 1882, I, 612, 6-9. У Hirschfeld'a даже въ этомъ, болѣе чѣмъ извѣстномъ стихѣ (№ 4, 38) невѣрное чтеніе: *см. الغرّ* чит. *الغرّ*.

4) *وهي من فاخر المدائح* — Аг. VIII, 169. Достаточной оцѣнкой съ европейской точки зрѣнія служить то, что изъ большихъ произведеній Хассана единственно эта ода включена Nöldeke въ его «*Delectus veterum carminum arabicorum*» (Berlin, 1890), 98—100. Въ изданіи Hirschfeld'a почему-то пропущенъ безъ всякихъ оговорокъ одинъ стихъ послѣ второго.

5) Аг. VIII, 169.

6) Nöldeke, Die Ghassanischen Fürsten aus dem Hause Gafna's, Berlin, 1887, 42.

7) № 92 и 222.

8) Ср. Аг. XIV, 2—3, 7.

Хассанъ получалъ субсидіи и долгое время уже послѣ ислама¹⁾. Къ этой же группѣ, вѣроятно, можно еще отнести два небольшихъ отрывка: № 107, вызванный чумой въ Сиріи, и № 160, по поводу казни одного изъ гассанидовъ Хосроемъ²⁾. Пьесъ, посвященныхъ непосредственно лахмидамъ, не имѣется; однако, не только указанія другихъ источниковъ, но даже и намеки въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ второго періода позволяютъ предположить, что и къ ихъ двору Хассанъ стоялъ довольно близко³⁾, какъ и оба упомянутыхъ его пріятеля-поэта. Интересно отмѣтить, что въ этомъ періодѣ творчество Хассана отличалось гораздо большимъ разнообразіемъ: онъ не ограничивался одними *Gelegenheitsgedichte*, а давалъ иногда и образцы чистой лирики. Часть ихъ, опять не безъ вліянія условій жизни въ этотъ періодъ, посвящена вину, въ чемъ Хассанъ былъ, повидимому, не послѣднимъ мастеромъ. Отрывокъ его изъ большой оды на эту тему, какъ уже было отмѣчено выше, пользовался особой популярностью при омеядахъ; о той же популярности говорить № 42, который одни источники приписываютъ большому авторитету въ этой области — Ахталю⁴⁾. Къ ней Хассанъ возвращается неоднократно съ особой любовью⁵⁾; во второмъ періодѣ этотъ мотивъ, какъ и слѣдовало ожидать, исчезаетъ⁶⁾. Въ этомъ нѣтъ еще ничего удивительнаго, но странно, что преимущественно къ первому еще періоду приходится относить почти всѣ произведенія съ характеромъ рефлексіи; впоследствии она была вытѣснена вѣроятно всякими злобами дня. Конечно № 29 не надо считать точной датой сорокалѣтняго возраста (стихъ 11); сорокъ лѣтъ и вызываемый этимъ разрывъ съ прошлымъ такой же традиціонный мотивъ, какъ и многіе другіе. Онъ нашелъ себѣ очень опредѣленное выраженіе въ извѣстномъ стихѣ Сухейма

وما ذا تبغی الشعراءَ مِنِّي * وقد جاوزت حدَّ الأربعمین

1) Nöldeke, op. cit., стр. 45. Это тотъ самый гассанидскій князь, про неудачное принятіе которымъ ислама существуетъ преданіе въ арабской литературѣ. Ср. В. Бартольдъ въ З. В. О. — XX, 079 и прим. 2. Достоверность этого разказа въ послѣднее время подвергнута анализу Caetani въ его *Annali dell' Islām*, Milano, 1907 — II, 69—70.

2) Nöldeke, op. cit. 42. Конечно, и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Хассанъ неоднократно вспоминалъ своихъ меценатовъ, см. напр. 79, 6-7; 155, 8 и др.

3) 2, 12-13 (если бы не опредѣленное указаніе стиха 14, эту пьесу можно было бы считать посвященной Ну'ману-ибн-Мунизру); 4, 28; 7, 9; 79, 7.

4) См. приписку рукописи дивана у Hirschfeld'a — стр. 58. Принадлежитъ ли онъ въ дѣйствительности Ахталю — вопросъ спорный; подозрительно, что только пять стиховъ изъ него приводитъ багдадская рукопись и то съ оговоркой, что произведеніе не имѣется въ редакціи ал-А'рăби. (См. *Diwān de Ahṭal*, par le P. A. Salhani, Beyrouth, 1905, стр. 15, 2-9).

5) См. напр. 18, 6-11; 24, 7-15; 43; 152, 9-11; 156, 7-8; 158.

6) Этого нельзя сказать о мотивѣ любви, который остается и послѣ ислама, очевидно въ силу требованій шаблоннаго несиба. Первый періодъ въ этомъ отношеніи лучше всего представленъ № 24, 133, 139.

Нѣкоторые изъ этихъ произведеній отзываютъ уже сухой дидактикой, можетъ быть и по-ислѣмскаго періода (№ 177), но большинство естественно и не лишено извѣстной красоты (№ 159, 115).

Вообще исламъ сослужилъ плохую службу Хассану: если другой поэтъ Лебидъ совсѣмъ отказался отъ своего дара послѣ принятія новой вѣры¹⁾, то Хассанъ оказался еще въ худшемъ положеніи. Онъ приобрѣлъ вполнѣтъ популярности, рѣдко достававшуюся на долю поэтовъ въ такомъ размѣрѣ, но за то сковалъ свой скромный талантъ. Диванъ въ его полномъ объемѣ говоритъ объ этомъ очень краснорѣчиво.

Переходя къ самому изданію, не приходится говорить, что съ внѣшней стороны оно, какъ и вся серія Gibb'a, не оставляетъ ничего желать. Не нужно добавлять, что въ техническомъ смыслѣ оно тоже стоитъ на высотѣ современныхъ требованій науки. Исполнено изданіе по четыремъ рукописямъ (хотя варианты приводятся не систематически), данъ рядъ арабскихъ комментаріевъ (стр. 9—116), историко-литературное введеніе (стр. 1—8)²⁾ и указатели (стр. 117—124). Неприятно поражаетъ среди послѣднихъ отсутствіе указателя именъ, который прямо необходимъ хотя бы для сопоставленія вновь находимыхъ фрагментовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда пьесы дивана не расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

И при всемъ томъ, несмотря на солидную внѣшность, чувствуется, что изданіе исполнено не специалистомъ по поэзии. Даже матеріалъ использованъ далеко не весь, хотя онъ былъ вполне доступенъ. Немного странное впечатлѣніе производитъ взглядъ относительно отрывковъ поэта въ другихъ произведеніяхъ³⁾; конечно, издателю дивана не можетъ вмѣяться въ обязанность подыскивать *остъ* цитаты, но главнѣйшіе источники непременно должны быть привлечены, хотя бы въ интересахъ большей критичности изданія. Между тѣмъ даже соответствующія главы «Китāб-ал-Агāнīb» привлечены далеко не въ полномъ видѣ, а на «Китāб-аш-ши'р» Ибн-Кутейбы не встрѣчается ни одной ссылки⁴⁾! Не подлежитъ сомнѣнію, что первый

1) По словамъ источниковъ онъ сочинилъ послѣ ислама только одинъ стихъ; какой именно — объ этомъ существуетъ разногласіе. См. Ибн-Кутейба (De Goeje) — 149,з-5.

2) Отъ специалиста по исторіи ранняго ислама можно было бы ожидать болѣе обстоятельнаго освѣщенія произведеній Хассана, какъ историческаго источника (стр. 4—7); страничка о характерѣ его поэзіи (стр. 8) слишкомъ незначительна и ее легко было развить обстоятельнѣе, какъ показываютъ случайно собранныя данныя у насъ въ началѣ.

3) Стр. 3—4. (To give an exhaustive list of the same is both irksome and unnecessary.... To give an account.... would serve no useful purpose....).

4) Ср. стр. 4 и списокъ сокращеній стр. XI.

источникъ могъ бы дать издателю не только матеріалъ для болѣе вѣрныхъ чтеній, но и избавить его иногда отъ болѣе крупныхъ недоразумѣній. Можно ограничиться однимъ примѣромъ: № 158 (стр. 49 и 97) Hirschfeld считаетъ сатирой на родъ 'Абида-пби-Махзума вѣроятно вслѣдъ за указаніемъ рукописи дивана. Здѣсь кроется явное недоразумѣніе: хотя это племя дѣйствительно неоднократно вызывало глѣвъ Хассана¹⁾, по всякому прочтавшему данное произведеніе ясно, что оно не имѣетъ ничего общаго съ сатирой, а представляетъ обычную винную қасбду безъ какихъ бы то ни было намековъ на опредѣленное лицо. Недоумѣніе вполнѣ категорично рѣшаетъ «Китаб-ал-Агапй», гдѣ произведеніе приводится въ иной редакціи²⁾ съ яснымъ указаніемъ, что оно относится еще къ первому періоду творчества поэта и сочянено послѣ одной пирушки съ поэтомъ ал-А'шā.

Число опечатокъ въ изданіи очень значительно³⁾: нѣкоторыя изъ нихъ могутъ быть легко исправлены всякимъ читающимъ диванъ, но приходится сожалѣть, что большинство недосмотровъ возникло отъ недостаточнаго вниманія къ законамъ арабской просодіи, которое при такой объемистой работѣ совершенно непростительно для издателя поэтическихъ текстовъ. Названіе племени Хассанā بنو النجّار Hirschfeld почти систематически передаетъ въ формѣ النجّارъ безъ тешдда съ нарушеніемъ размѣра⁴⁾; до исламское имя عبد شمس онъ даетъ, тоже искажая размѣръ, въ видѣ عبد الشمس, что едва ли допустимо для знатока ранней исторіи ислама⁵⁾. Маленькая конъектура въ словѣ الله позволила бы избѣгнуть нарушенія размѣра (3,18; 133,6): здѣсь несомнѣнно надо читать الإله. Размѣръ нарушаютъ и المروة (чит. لأمهما — 55,4), المروة (чит. المروة — 102,1), بضرب (чит. بضرب — 118,2), ولقد (чит. لقد — 139,10), نكف (чит. عيرت — 154,5), نكف (чит. انتم — 216,1), نكف (чит. لكم — 216,16) и мн. др. Невниманіе къ требованіямъ размѣра заставляетъ Hirschfeld'a не замѣчать у Хассана интересной

1) См., напр. № 50, 126, 184.

2) Аг. IV, 16.

3) Немного наивный характеръ по своей величинѣ носятъ ихъ списокъ, стр. XII. Крайне неприятны опечатки въ ссылкахъ на пьесы дивана: напр. стр. 8, строка 13 см. въ XXXIX чиг. XXIX, стр. 15 въ. LI чиг. XCII.

4) № 12,1; 15,11; 24,19; 55,8; 175,7 и др.

5) 229,1; ср. 184,1 и 228,1.

licentia poetica: الشَّعْرُ (вм. الشُّعْرُ — 115,1) п نَهْرٌ (вм. نَهْرٌ — 134,6). Иногда безъ рукописей трудно возстановить правильное чтение: вм. بَلِّغَهَا, невозможно по соображеніямъ метрики, надо вѣроятно читать بَلِّغَاهَا (= فاعلاتن —

18,4); совсѣмъ недопустимо начало пьесы 19 — ثَوَى بِمَكَّةَ الْحِجْ (у Иби-Хишāма ¹⁾) дается далекій, но вѣрный вариантъ ثَوَى فِي قَرِيْشٍ. Насколько безцеремонно издатель обращается съ законами метрики особенно обнаружилось на ст. 5 № 198, который онъ передаетъ въ такомъ видѣ:

فَإِنَّكُمْ إِنْ تَرَعَّبُوا لَا يَكُنْ لَكُمْ * مُ عَنْ أَصْلِكُمْ فِي جِزْمِ قَيْسٍ مَعُولٌ

Здѣсь онъ не остановился передъ превращеніемъ слоговъ لَكُمْ въ ... , тогда какъ на самомъ дѣлѣ они ... и съ перваго взгляда ясно, что здѣсь обычная licentia poetica въ словѣ أَصْلِكُمْ съ трактовкой хамзы, какъ ваэлы. Стихъ представляется въ совершенно правильной формѣ такъ:

فَإِنَّكُمْ إِنْ تَرَعَّبُوا لَا يَكُنْ لَكُمْ * عَنْ أَصْلِكُمْ فِي جِزْمِ قَيْسٍ مَعُولٌ

Невниманіе къ разбѣрамъ доходить до того, что иногда они опредѣляются невѣрно: № 115, напр., вм. الرجز чит. الخفيف, № 139 вм. الرمل чит. المديد, № 169 вм. السريع чит. الرجز и т. д.

Случаи невѣрной огласовки слишкомъ многочисленны: достаточно отмѣтить, что она встрѣчается въ такихъ извѣстныхъ словахъ, какъ مَاقِيَهَا (у Hirschfeld'a مَاقِيَهَا — 2,18; 133,1 и др. ²⁾) или такихъ частыхъ выраженій, какъ يَا فَاتِلَ اللَّهِ قَوْمًا (у Hirschfeld'a — 162,3).

Переработка дѣянія не должна бы ограничиваться установленіемъ чтения и вариантовъ, а коснуться вопроса и о самыхъ произведеніяхъ. Арабская редакция, несмотря на почтенныя имена ея авторовъ, едва ли можетъ считаться рѣшающимъ критеріемъ: ея значеніе подрываетъ уже появленіе однихъ и тѣхъ же стиховъ и пьесъ ³⁾.

1) Изд. Wüstenfeld'a — 350,6.

2) Двойственное число, за которое повидимому, Hirschfeld принялъ эту форму, было бы مَاقِيَيْهَا, не допускаемое разбѣромъ. Ср. ал-Асам'иййāt (Ahlwardt) № 47, ст. 3.

3) № 222 = 99, ст. 1—3, 5, 7; № 22 = 25, ст. 2, 4; № 12, ст. 12^a = 12, ст. 15^a; 112, 2^b = 146, 1^b и др.

Легко видѣть изъ всѣхъ высказанныхъ замѣчаній, что трудъ Hirschfeld'a можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ лишь потому, что онъ избавляетъ историковъ отъ необходимости обращаться къ неудобнымъ для пользованія восточнымъ изданіямъ. Что же касается критическаго въ строго филологическомъ смыслѣ изданія, — то оно еще дѣло будущаго и едва ли близкаго, такъ какъ поэтическія достоинства Хассана не настолько велики, чтобы побудить специалиста по арабской поэзіи взяться за утомительный и мелочной трудъ обработки его дивана, когда въ этой же области есть много другихъ болѣе интересныхъ задачъ.

И. Крачковскій.

СПБ. Мартъ 1911 г.

369. Paul Peeters, S. I. S. Romain le Néomartyr († 1 mai 780) d'après un document géorgien (Extrait des Analecta Bollandiana, tome XXX [, стр. 393 — 427]), Bruxelles 1911.

Долгое молчаніе въ европейскіхъ научныхъ кругахъ о значеніи памятниковъ грузинской духовной литературы въ послѣднее время начинаетъ прекращаться. То въ Германіи, то въ Италіи, то въ Англіи отъ времени до времени даютъ себя чувствовать проблески интереса къ этому новому міру, пока хотя бы какъ къ сокровищницѣ матеріаловъ, цѣнныхъ для европейской науки, безъ отношенія къ жизненному ихъ значенію въ исторіи мѣстной церкви. Выписанная въ заголовкѣ работа заслуживаетъ особаго вниманія; нельзя не привѣтствовать какъ въ высшей степени отрадный фактъ, что грузинскими агіографическими памятниками рѣшился серьезно заняться такой освѣдомленный агіологъ, какъ Р. Peeters, располагающій знаніемъ ряда языковъ христіанскаго Востока, а также русскаго.

Выборомъ памятника Р. Peeters сразу убилъ двухъ зайцевъ. Мало изучается грузинская духовная литература, но нельзя сказать, чтобы особое усердіе проявлялось въ отношенія къ арабской христіанской письменности. Р. Peeters обѣщаетъ издать въ скоромъ времени еще *Мученичество св. Антонія Корайшита* по тремъ версіямъ — эіопской, арабской и грузинской (ц. с., стр. 401—402, прим.). Переведенный съ грузинскаго на латинскій, изданный агіографическій текстъ представляетъ въ грузинской литературѣ переводный памятникъ, восходящій къ арабскому подлиннику; это — фактъ, установленіемъ котораго наука обязана Р. Peeters'у (ц. с., стр. 403—405). Число переводовъ съ арабскаго на грузинскій увеличивается, и помимо всего намѣчается эпоха непосредственнаго литературнаго общенія грузинъ съ арабами, понятна арабами-христіанами. Пока